

АВАНГАРД В ПОЭЗИИ ДМИТРИЯ СТРОЦЕВА

В статье рассматривается проблема преемственности традиций русского авангарда современным русскоязычным поэтом Беларуси Дмитрием Строщевым; актуализируются понятия «неоавангардизм», «традиция», «прием», «повтор», «эксперимент». Установка на языковую игру, характерная для многих стихотворений автора, подтверждается примерами из поэтических текстов. Показана не только включенность Д. Строщева в традицию русского авангарда, но и своеобразие его поэтики.

This article examines the problem of continuity of traditions of Russian avant-garde modern Russian-language poet of Belarus Dmitry Strotsev; actualized the concept of "neoavanguardia", "tradition", "acceptance", "repeat", "experiment". Installation on a language game that characterizes many of the poems of the author, is confirmed by the examples of poetic texts. Shows not only the inclusion of D. Strotsev in the tradition of Russian avant-garde, but also the uniqueness of his poetics.

Ключевые слова: русскоязычная литература Беларуси, Дмитрий Строщев, поэзия, авангард, эксперимент, традиции, прием, языковая игра.

Key words: Russian literature of Belarus, Dmitry Strotsev, poetry, avant-garde experiment, tradition, welcome, language game.

Поэта Дмитрия Строщева называют неоавангардистом, и для этого есть все основания. Продолжая авангардную традицию русской литературы, идущую от В. Хлебникова, А. Введенского, Д. Хармса и др., Д. Строщев

ее творчески трансформирует, развивает, превращая «чужое» эстетическое целое в «свое».

Состояние современной неоавангардистской поэзии не может рассматриваться вне традиции авангарда начала XX века, который уже стал на сегодняшний день классическим. Поэтический авангард, который в начале XX века заявлял о разрыве с традицией, сформировался не просто в направлении, но и оформил свои основные черты и признаки в качестве уже новой, собственной традиции. В качестве таковых можно выделить следующие: предпочтение выразительности по сравнению с изобразительностью; установка на «непонятность» как на способ преодолеть автоматизм эстетического восприятия; «инженерный» подход к комбинированию материалов, вроде бы случайно подвернувшихся под руку, и использование в своей практике достижений научно-технического прогресса; готовность и способность придать ценность объекту, который этого «не заслуживает», т. е. не является ценным сам по себе, до и помимо его избрания художником [2].

Традиции, заложенные русскими футуристами и обэриутами, оказали чрезвычайно сильное влияние на литературу второй половины XX века. О своей приверженности этим традициям современные русскоязычные поэты заявляют напрямую (в посвящениях и эпиграфах к своим текстам, посредством выведения абсурдистов в качестве действующих лиц своих произведений, указывая на подражание). В предисловии к сборнику стихов Д. Строцева «Остров Це» представлена весьма говорящая «Книжная полка», указывающая на приоритеты поэта: Чуковский, Пушкин, Хлебников, Хармс, Заболоцкий, Введенский, Мандельштам, Седякова, Шварц, Аронзон, Блаженный, Ким, Цой, Пригов, школьный фольклор, жестокий романс, Слово о полку, Евангелие [4]. И там же стихотворение с не менее говорящим названием «Хлебников – наш учебник...»:

Мы, дети, собираем жуков,

глядь: дядя В. Хлебников.

Мы к нему ручьи: Велимир!

А он молчит: Будьте людьми [5, с. 63].

Вот яркий пример авангардной поэзии В. Хлебникова:

Звонят голубые бубенчики,

Как нежного отклика звук,

И первые вылетят птенчики

Из тихого слова «люблю». [6]

Ср. у Д. Строцева:

тихой глиной накормлю

потому что сам люблю

солнце-бубен

*слышу-слышу, под травой
бьется сердце головой
в пепел голубой
поскорее выходи
пахнет хлебом из груди
косточка поет. [5, с. 49]*

Здесь есть мелодия, есть традиция и нет насмешки. Здесь заумь трансформируется в за-ум, текст рождает глубинные слои подтекста.

Сам Д. Строчев говорит о значимости для него таких поэтов, как О. Мандельштам (называет его «постоянным спутником»), Е. Шварц, О. Седакова, Л. Аронзон [3, с. 98–100]. Дмитрий Строчев – один из немногих, у кого приверженность традиции выглядит не литературной позой, а естественным способом поэтической речи, природной жаждой нового, переназывания всего сущего. Поэтическое слово обладает магической властью, оно может переименовывать мир, поэт укрощает его агрессию, подчиняя реальность своему воображению. Поэт обладает такой властью, потому что сама реальность состоит из слов, названий и имен, которые поэт и дает. Например, у Д. Строчева:

*я имя трамваю задумал трамвай
он будет по рельсам ходить
по городу станет маршрут совершать
поэтому имя такое трамвай [4].*

Или:

*рыбу рыбой назову
птицу птицей назову
зверя зверем назову
имярека имяреком назову
эволюцию эволюцией назову
интеллигенцию интеллигенцией назову [4].*

Поэзию авангарда связывают с новыми, нетрадиционными способами записи стихотворений. Рваные строки и другое графическое оформление стиха – не каприз поэтов, а способ выразить мироощущение людей в драматических ситуациях жизни. Поиск нового языка, способного выразить динамизм и технологические инновации новой эпохи, приводит к визуализации поэтических текстов современных поэтов-авангардистов. Авторами используются различные способы сращения поэтического текста с изображением: либо они образуют единое художественное целое (например, А. Ляпин «Линия дыма»), либо используются особенности верстки, в частности – поворот текста (Д. Строчев «38»). Неоднозначность прочтения присуща и многостолбичным стихам. Двустолбичные и трехстолбичные

тексты, восходящие к экспериментам А. Кручёных, – одна из характерных особенностей поэзии Д. Строева. Композиционное оформление текста в несколько параллельных столбцов позволяет зрительно выделить такие текстообразующие приемы, как повтор и структурный параллелизм («мне не нравится устройство этого мира...», «1-я ступень демиурга», «2-я ступень демиурга», «девчонка», «любовь – не угол» и др.) [4].

Многостолбичные стихотворения Дмитрия Строева дают возможность поливариантного прочтения большинства текстов, автор сознательно стремится вовлечь читателей в захватывающую игру, отражающую особенности постмодернистского сознания. Децентрированность, «рассыпанность» художественного текста порождает возможность неоднозначного прочтения. Читатель активно вовлекается в сотворчество – и это тоже является элементом поэтической игры. Используются возможности двустолбичного стиха в стихотворении «2-я ступень демиурга»: композиционное оформление текста в несколько параллельных столбцов позволяет зрительно выделить основные текстообразующие приемы – повтор и структурный параллелизм:

<i>всех</i>	<i>всеми</i>	
<i>кому на руси</i>	<i>кому на руси</i>	
<i>жить хорошо</i>	<i>жить хорошо</i>	<i>назову</i>
<i>союз</i>	<i>союзом</i>	
<i>советских</i>	<i>советских</i>	
<i>социалистических</i>	<i>социалистических</i>	
<i>республик</i>	<i>республик</i>	<i>назову [4].</i>

С помощью повторов можно добиться повышенной компрессии смысла и чувства. При этом читатель настраивается на такую условность, когда стихи воспринимаются уже именно так, как их задумал сам автор. Такое стихотворение вовлекает читателя-зрителя в процесс интерпретации:

Любовь – не угол.

Любовь – не круг.

Любовь – это шар.

Приходит подруга.

Приходит друг.

Это как пожелает душа.

Непросто спрятать.

Нельзя украсть.

Нелегко удержать.

Она не растрата.

Она не страсть.

Ею можно просто дышать [4].

Именно бесчисленные повторы являются в стихотворениях Д. Строева наиболее характерным проявлением языковой игры. Им присуща сквозная подчеркнутая тавтологичность, очень характерны повторы в рифме: *покидая земное царство // попадаешь в иное царство* («Царство»). Повтор в произведениях Д. Строева иногда служит и текстообразующим приемом: *я хожу кругами за окном // за углом, кругами, за домами // что стоят напротив, за окном // я хожу кругами, размышляю // о высоком мире за окном* [4]. Здесь сквозное назойливое повторение способствует воплощению авторского замысла, созданию атмосферы кружения на месте.

Часто встречается в ранних стихах поэта заведомая семантическая избыточность, которая может усиливаться лексическими повторами: *автобусу имя задумал другое // автобусу имя автобус задумал* [4]. Или: *я книгу книгу на столе оставляю для тебя // я книгу книгу для тебя оставляю на столет // она не бомба пистолет не бомба пистолет // ты будешь будешь в ней читать // слова слова слова* [5, с. 73]. В результате лексического минимализма, многочисленных намеренных повторов, лексических и смысловых, создается эффект нарочитой банальности содержания, инфантильности, подражания детскому лепету.

Еще одним из лексических приемов является создание автором новых слов, причем не являющихся неологизмами, а образованных от слияния других слов. Наблюдается изменение смысла слов с помощью приставок, не характерных для этих слов, либо наоборот, отсутствием таких приставок. Эти приемы являются яркими показателями следования традициям авангарда: *тайноград, тайноград, тихим светом твоим перевиты // летописные листья, что умному слуху открыты* [4]; *твоих волос высоковольтных // неисследимое число* [4]; *и ты один за всех пред Ним в ответе // один – за безнадежных и надежных // один – за безъязыких и языких // один как перст – и с Богом говоришь* [4].

Отсутствие заглавных букв и минимальное количество знаков препинания также является одним из приемов в создании графического уровня следования традициям авангарда. Такой прием не способен запутать читателя, который интонационно разбивает стих на смысловые части и делает паузы: *я все же буду говорить стихами // а нестихами говорить не стану // мне скучно – не стихами не стихами // мне любо потому что рифмовать* [5, с. 27].

В примечании к «Полному собранию сочинений А. Введенского» исследователь его творчества М. Мейлах пишет: «В первый период творчества Введенский пунктуацией не пользовался, за вычетом отдельных интонационно-смысловых знаков (вопросительного, восклицательного, двоеточия, кавычек и т. п.). Систематически поэт прибегает к знакам

препинания, начиная с поэмы «Кругом возможно Бог», однако его пунктуацию в принципе можно определить как минимальную: Введенский часто опускает запятые, как правило, в обращениях, в сравнительных оборотах и т. п., что составляет один из характерных элементов его поэтики» [1, с. 223].

Эксперименты над формальными элементами текста весьма характерны и для произведений Д. Строева. В свою очередь, можно добавить, что прочтение неоформленного пунктуационно текста осуществляется читателем интуитивно – исходя из читательского представления о художественном мире поэта и нормах русского языка. Некоторые строки Строева звучат совершенно по-введенски: *мгновенье сады зашумят зашумели // густые шмели загудят загудели // постели пустыни пустые пустели // мгновенье скворцы прилетят прилетели* [5, с. 84].

Соединяя элементы фонетической, графической и словообразовательной трансформации текста, Д. Строев создает стихотворения, подобные, например, «Лю Бимину, китайцу»: *лета – р е к а мешки гладкие в летние воды летят // сладкая тля на лис с т е бли тра в ы водок гадких утят // Дымное море в о круг ни д у ш и стый сияет цветок // Дышит во с н е удаляет ве е л о во уносит поток* [4].

Таким образом, в поэзии Д. Строева сформировалась устойчивая приверженность футуристическим и обэриутским традициям русского авангарда. При этом его стихи сами по себе обладают яркой интонацией, делающей их неповторимыми и легко узнаваемыми.

Литература

1. Введенский, А. И. Полное собрание сочинений : в 2 т. / А. И. Введенский. – Т. 1 : Произведения 1926–1937 гг. – М. : Гилея, 1993. – 285 с.
2. Диалог о поэзии с Сергеем Бирюковым [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://mspu.org.ua/pulicistika/7163-dialog-o-poyezii-s-sergeem-biryukovym.html>. – Дата доступа : 10.05.2010.
3. Строев, Д. Стенограмма выступления перед студентами и преподавателями филологического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск) 14 декабря 2006 г. // Материалы творческих встреч с писателями. Вып. 2 : Константин Михеев, Анатолий Андреев, Елена Кошкина, Александр Чубаров, Дмитрий Строев, Игорь Савченко, Геннадий Гриневич, Любовь Турбина, Елена Казанцева, Денис Летуновский / запись, подгот. текста, сост. И. С. Скоропановой. – Минск : Галіяфы, 2010. – С. 90–115.
4. Строев, Д. Стихи [Электронный ресурс] / Д. Строев. – 2010. – Режим доступа : <http://strotsev.net.ru/indexru.html>. – Дата доступа : 11.04.2010.
5. Строев, Д. Бутылки света. Книга стихотворений / Д. Строев. – Москва : Центр современной литературы, 2009. – 88 с.
6. Хлебников, В. Творения [Электронный ресурс] / В. Хлебников. – 2009. – Режим доступа : <http://www.hlebnikov.ru/works/tvorenia/tekst/001stihi/152.htm>. – Дата доступа : 10.02.2009.